

«ДОСТАВАЛА СЛАДОСТЕЙ» И ЕГО ДРУЗЬЯ

● О СПЕКТАКЛЕ КАЗАНСКОГО ТЮЗА ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА «А ВОРОБЬЕВ СТЕКЛА НЕ ВЫБИВАЛ»

Сколько раз за последние годы мы встречались с ребятами из нашего двора! Они приходили к нам со страниц хороших и не очень хороших книг. Они внимательно всматривались в глаза своих сверстников с теле- и киноэкранов. И даже более или менее популярные эстрадные певцы пытались поведать о событиях, происходящих у нас во дворе.

Ничем особым не выделяющийся дом, обычный городской двор — место действия спектакля Казанского ТЮЗа «А Воробьев стекла не выбивал». И ребята, живущие здесь, — просто мальчишки и девочки, такие же, как и их ровесники, сидящие в зале. Правда, есть среди героев спектакля человек, сразу выделяющийся цельностью своего характера, активной добротой и... прозвищем «Доставала сладостей». Вот он привлекает нас радостью друзьям бочку из-под помидла. А сам отходит в сторону, с удовольствием поглядывая на ребят, выгребаящих из этой самой бочки остатки помидла. Он-то всю жизнь терпеть не может сладкого.

Незадолго до конца спектакля Семин — «Доставала сладостей» скажет: «Неинтересно жить, если никому ничего от тебя не надо».

Кто из нас не читал чудесных рассказов писателя Юрия Яковлева! В его мире обыденное и волшебное сплелось воедино. Внимательный взгляд писателя открывает нам страну, о существовании которой нередко забывают взрослые, — страну детства. Сюжеты нескольких рассказов Юрия Яковлева стали основой для его пьесы «А Воробьев стекла не выбивал», пьесой, в которой страна детства предстает перед нами самыми разными — смешными и грустными — своими сторонами.

Разве не смеялись мы, знаясь с маленькой Девочкой в больших туристских ботинках (З. Петрова), неуклюжей и грациозной, тающей в себе целый мир мыслей и образов? Но вот она начинает по складам читать дневник, «стынутый» у милой соседки Лиды, дневник ее матери, умершей во время блокады Ленинграда. И не просто читать, а по-детски зримо представлять и самолеты, и бомбы, и голод, и смерть... И наполняет она в зал памятью о войне, памятью, которая будет жить еще не в одном поколении людей.

Эти замечательные сцены решены режиссером Л. Верзубом тактично и изобретательно. В них чувствуется острая мысль и подлинное чувство.

Спектакль казанцев сюжетно очень насыщенный, в нем много параллельных линий, глубоких ходов, неоднозначных характеров. Каждому из исполнителей драматург дает в руки богатый материал. И актеры играют увлеченно.

Назавось бы, во всем Ясен Воробьев (В. Ходарин) — гроза соседей, гаванный «постановщик» внеурочной работы для школьника. Вот он, обещанный банками, врывается на сцену, танцуя дикий индейский танец. Вот, подурив голову, стоит перед грозным управдомом — несостоявшимся педагогом Назаровым (В. Антонов). В. Ходарин сумел найти интересный внешний рисунок роли. И, вместе с тем, показав, раздвигаясь под давлением Семина самоуважение, начеканно новую для привыкшего к собственной несправедливости Воробьева черту характера.

Контрастны, — не, вместе с тем, во многом родственны ак-

терсына работы Т. Мычкиной и С. Шмелидзе. Их Лиды и Маруси вместе с Семиным образуют еще полудетским, но в достаточной степени традиционный треугольник. Ему нравится Лиды, а он нравится Марусе. Однако в любой, даже, на первый взгляд, стандартной ситуации острый взгляд художника может увидеть новые грани, дающие повод для размышлений отнюдь не вторичных. На наших глазах в соприкосновении с незаурядной личностью (мы можем не бояться этих слов) «Доставала сладостей» выше и чище становится девочка, учится смотреть на мир добрым и честным взглядом.

Нетрудно заметить, что даже в разговоре об этом спектакле все идет к одному герою. Он удивительный фантазер, этот Семин: а футляра от Марусиной, нелюбимой англо-челли может увидеть веселого черного кенгуру. И, вместе с тем, он человек действия.

Шестнадцатилетний мальчишка идет разгружать вагоны, чтобы купить большой Лиды необходимый «ахтерство» — старинную скрипку из экононого дерева. Или упорно твердит: «А Воробьев стекла не выбивал», потому что он знает, что Воробьев стекла не выбивал, хотя все уверены в обратном. Твердит, так как верит: «Правда нужна, чтобы Земля вертелась».

Ловкий и ладный, веселый и сосредоточенный, напористый и застенчивый — таков Семин в исполнении А. Лашина. Вольше всего привлекает в этом актере его вера в правоту своего героя, умение жить его мыслями и заботами. И лишь тогда, когда А. Лашин хоть на миг теряет ощущение вот этого напряжения чувства и мысли, сразу становятся заметен спад внутреннего ритма роли. Это происходит, когда актер сталкивается с издержками перехода прозаического материала на язык театра. Менее удался А. Лашину прозаические монологи, которых особенно много в первом акте. И это сразу отражается на зрительском восприятии. Мальчишки и девочки, которых спектакль почти все время заставляет думать и сопереживать, в такие моменты становятся невнимательными и теряют контакт с исполнителем. Это неизбежно, ибо ни один зритель так остро не чувствует малейшую фальшь, как зритель ТЮЗа.

Есть в спектакле сцены более удачные, есть — менее. Но один эпизод запоминается сразу и надолго. Это «танец» — воспоминание об уехавшем на «Дальний восток» вместе с отцом-офицером Семине. Эпизод, наполненный глубоким чувством и привлеченный зрелой режиссерской мыслью. Описать его трудно, да и, наоборот, не нужно. Единственное, что хочется отметить, — это сцена становится и логическим, и эмоциональным финалом спектакля. Дальнейшее действие, на мой взгляд, иллюстративно.

Коллективу Казанского ТЮЗа немало дано — достаточно ярко выраженный и верный взгляд на жизнь, крепкая и умная режиссура, интересный актерский ансамбль. В этом нас еще раз убедил спектакль «А Воробьев стекла не выбивал». А некоторые просчеты, которые есть в этой работе казанцев, пожалуй, неизбежны на пути поиска, по которому идет театр.

Б. ПЯТНИЦКИЙ.